

Enid Blyton®

ВРЕДНАЯ девчонка

староста

ЭНИД БЛАЙТОН ИЛЛЮСТРАЦИИ КЕЙТ ХИНДЛИ

Вредная девчонка

Энид Блайтон

Вредная девчонка – староста

«Азбука-Аттикус»

1945

УДК 821.111-93
ББК 84(4Вел)-44

Блайтон Э.

Вредная девчонка – староста / Э. Блайтон — «Азбука-Аттикус»,
1945 — (Вредная девчонка)

ISBN 978-5-389-17504-4

Элизабет Аллен в полном восторге: её выбрали старостой. Но она даже не подозревает, какая это ответственная работа быть школьным наставником. Ей кажется, что она всё делает правильно, но почему-то становится только хуже. Она старается держать себя в руках, но это так не просто для той, кого совсем недавно считали самой вредной на свете!

УДК 821.111-93
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-17504-4

© Блайтон Э., 1945
© Азбука-Аттикус, 1945

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Энид Блайтон Вредная девчонка – староста

Enid Blyton
THE NAUGHTIEST GIRL IS A MONITOR

First published in Great Britain in 1945 by George Newnes
Text © Hodder & Stoughton Limited
Illustrations © Hodder & Stoughton Limited

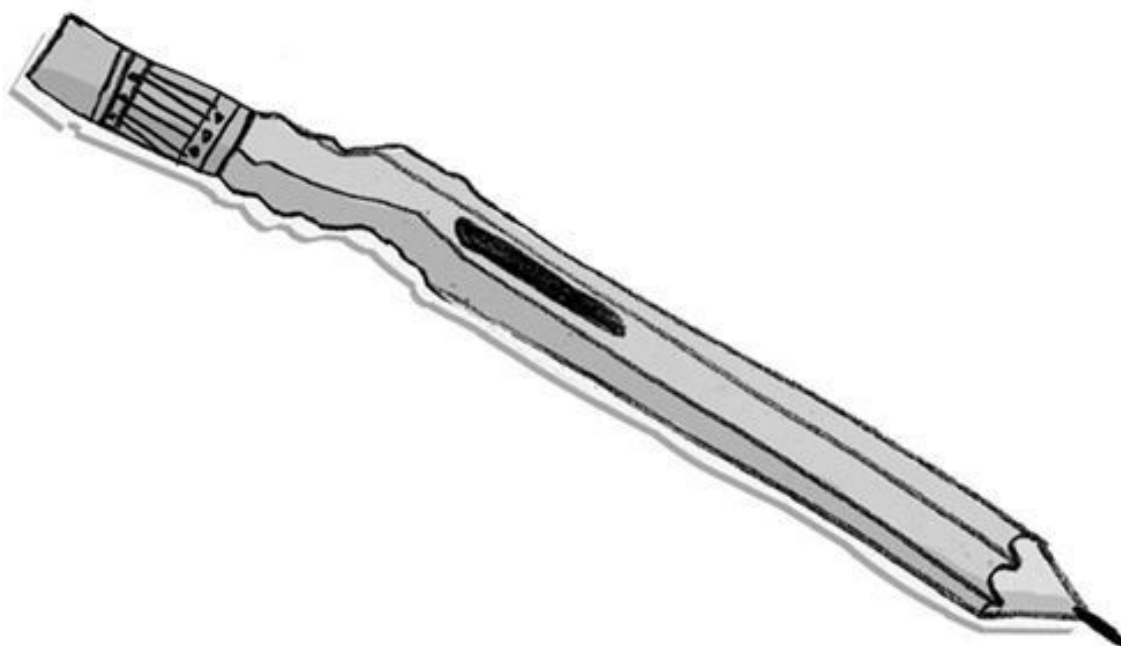
Иллюстрации Кейт Хиндли

© Мязотс О. Н., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2019

Machaon®

Предисловие

От Крессиды Коуэлл, автора детского бестселлера «Как приручить дракона»

В девять лет я запоем читала книги Энид Блайтон. Так было с моим поколением, с поколением до меня, так продолжается до сих пор.

Родители привыкли подбирать книги для своих детей, но Энид Блайтон писала так, что дети сами делали правильный выбор. Она очень хорошо понимала детскую душу, и даже самый смиренный ребёнок хотел походить на девочку по имени Элизабет Аллен. Признаюсь, я всем сердцем была на стороне этой маленькой озорной героини, когда она бунтовала против родителей, школьных директрис, своих сверстников или когда задавала жару на школьных собраниях. Знаете, я бы на её месте ещё и не то устроила!

Из всех серий Энид Блайтон мне больше всего нравилась именно «Вредная девчонка». Может, благодаря мифической школе Уайтлиф. В Уайтлифе всё устроено не так, как принято. Там, конечно, есть и директор и учителя, но всем в школе управляют сами дети. Например, они собирают деньги в общую копилку и, чтобы никому не было обидно, каждую неделю делят между всеми поровну. Жить и учиться в Уайтлифе настолько интересно, что ты готов бежать туда вприпрыжку. Тем более что там можно повстречать несносную девчонку.

Надеюсь, что вас, как и меня когда-то, увлечёт эта серия и вы тоже будете зачитываться книгами Энид Блайтон.

Cressida Cowell

Глава 1

Арабелла приезжает в гости

В самый разгар зимних каникул мама удивила Элизабет неожиданным известием. После Рождества Элизабет успела три раза побывать в гостях и один – на пантомиме в цирке.

И теперь уже мечтала поскорее вернуться в школу. Скучно быть единственным ребёнком в семье! Особенно когда привыкнешь жить вместе с другими девочками и мальчиками в Уайтлифе. Элизабет скучала по их смеху и разговорам, по совместным играм и забавам.

– Мне хорошо дома, но я тоскую по Кэтлин и Белинде, Норе и Гарри, Джону и Ричарду, – признавалась она матери. – Джоан приезжала пару раз меня навестить, но теперь у неё гостит двоюродный брат, так что на каникулах я вряд ли с ней ещё увижусь.

Тут мама рассказала дочери, какой приготовила для неё сюрприз.

– Я догадывалась, что ты заскучаешь, и позаботилась, чтобы у тебя была компания на последние две недели каникул.

– Кто это?! – воскликнула Элизабет. – Я её знаю?

– Нет, эта девочка начнёт учиться в вашей школе со следующей четверти. Её зовут Арабелла Бакли. Уверена, она тебе понравится.

– Расскажи мне о ней, – попросила Элизабет, всё ещё не оправившись от удивления. – Почему ты раньше молчала?

– Ну, всё решилось очень быстро, – ответила мама. – Ты ведь помнишь миссис Питерс? Её сестра должна отправиться в Америку, но она не хочет брать с собой дочь и решила устроить девочку в школу-пансион – на год, а может, и дольше.

– И она выбрала Уайтлиф! – догадалась Элизабет. – Ещё бы! Наша школа – лучшая в мире!

– Я так и сказала миссис Питерс, – улыбнулась мама. – А она передала это своей сестре. Миссис Бакли сразу же отправилась поговорить с вашими директрисами – мисс Белл и мисс Бест.

– Они договорились, что эту четверть Арабелла будет учиться в Уайтлифе, – сказала мама. – А поскольку мисс Бакли надо спешно отправляться в путь, я пригласила девочку погостить у нас – и тебе компания, и ей польза: расскажешь немного о вашей школе.

– Надеюсь, мы с ней поладим, – сказала Элизабет. – Всегда приятнее проводить время с тем, кто тебе по душе, не правда ли, мама?

– Я видела Арабеллу. Очень милая девочка с прекрасными манерами. И одета была на загляденье.

– А-а, тогда ясно, – протянула Элизабет, которая сама частенько одевалась весьма неряшливо, да и хорошими манерами особо не отличалась. – Знаешь, мама, что-то она мне не больно нравится. От расфуфыренных девчонок мало толку: с ними не поиграть нормально и вообще от скуки умереть можно.

– Поживём – увидим, – ответила мама. – Арабелла придет завтра, окажи ей радушный приём и расскажи побольше об Уайтлифе. Уверена, ей там понравится.

Элизабет всё-таки не терпелось увидеть Арабеллу, хоть та и представлялась ей паинькой и сюси-пуси. Она поставила цветы в комнату, где должна была жить её гостя, и положила на столик у кровати несколько своих любимых книг.

«Всё-таки я с радостью расскажу этой новенькой об Уайтлифе, – думала она. – Я так горжусь нашей школой! Она замечательная! К тому же – ого! – в следующей четверти я буду старостой!»

Элизабет, несмотря на её несдержанность и вспыльчивость, и вправду выбрали старостой. Она этого не ожидала и очень обрадовалась. Часто думала об этом во время каникул и строила планы, какой хорошей и мудрой старостой она станет – такой, на которую можно положиться.

«Никаких ссор, никаких вспышек гнева, никаких глупых стычек», – твердила Элизабет сама себе. Она прекрасно знала свои слабые стороны, как и каждый ученик в Уайтлифе. Здесь делали всё, чтобы помочь детям преодолеть их недостатки, а для этого надо их осознать.

На следующий день Элизабет не отходила от окна, ожидая Арабеллу. Наконец к парадному крыльцу подкатил роскошный автомобиль. Шофёр вышел и открыл дверцу, из машины появилась девочка, больше похожая на маленькую принцессу, чем на школьницу.

– Обалдеть! – пробормотала Элизабет, вспомнив свою собственную тёмно-синюю форму с ярко-жёлтой эмблемой. – Обалдеть! Мне никогда не стать такой, как она.

На Арабелле было красивое голубое пальто с меховым воротником и белые перчатки. А на светлых кудряшках – белая круглая меховая шапочка. Глаза у неё были ярко-синие, с длинными загибающимися ресницами. Бело-розовое личико выражало неприкрытое высокомерие.

Арабелла оглядела дом Элизабет. Похоже, он ей не очень понравился. Шофёр позвонил в колокольчик и поставил на крыльцо чемодан и сумку.

Элизабет собиралась сбежать вниз и радушно приветствовать девочку. Она заранее решила, что будет звать её Белла: имя Арабелла казалось ей дурацким – «каким-то кукольным». Но теперь ей почему-то звать гостью Белла расхотелось.

«Пожалуй, Арабелла ей всё-таки больше подходит, – подумала Элизабет. – Она и впрямь похожа на куклу с этими её золотыми кудряшками и синими глазами да ещё в таком в нарядном пальто и шапочке. Что-то она мне совсем не нравится. Кажется, я её даже немного побаиваюсь!»

Это было необычно: вообще-то Элизабет никого и ничего не боялась. С другой стороны, она прежде не встречала девочек, похожих на Арабеллу Бакли.

«Она моя ровесница, а выглядит старше, держится как взрослая и делает всё, как надо. Разговаривает наверняка тоже как взрослая, – подумала Элизабет. – Что-то мне расхотелось с ней знакомиться».

И Элизабет не спустилась вниз. Горничная открыла дверь, и миссис Аллен сама поспешила навстречу гостье.

Она поцеловала Арабеллу и спросила, не устала ли та.

– Ах, нет, спасибо! – ответила Арабелла чистым ровным голосом. – У нас очень удобный автомобиль, и у меня было с собой много бутербродов, чтобы подкрепиться в дороге. Очень любезно с вашей стороны пригласить меня погостить, миссис Аллен. Слышала, что у вас есть дочь моего возраста.

– Да, – кивнула мисс Аллен. – Она должна была спуститься, хотела поздороваться с тобой. По крайней мере, собиралась. Элизабет! Где же ты? Арабелла приехала.

Тут уж Элизабет пришлось выйти. Она сбежала по лестнице, как обычно, перескакивая через каждую вторую ступеньку. И, прыгнув со стуком на пол в самом низу, протянула гостье руку. Та, кажется, была немного удивлена столь внезапному появлению.

– Пожалуйста, спускайся по лестнице, как положено, – сказала мисс Аллен. Она повторяла это по двенадцать раз за день, не меньше. Но Элизабет, похоже, вообще не могла ходить спокойно и чинно. Так что мисс Аллен лелеяла в душе надежду, что Арабелла, с её хорошими манерами, научит и её дочь подобающему поведению.

– Привет, – поздоровалась Элизабет.

Арабелла вяло протянула ей руку.

– Добрый день. Как поживаете?

«Ну и ну! – опешила Элизабет. – Можно подумать, это Принцесса её Величество-Высочество явилась с визитом к своим бедным подданным. Ещё чуть-чуть – и она предложит мне чашку горячего супа и тёплую шаль».

Впрочем, возможно, Арабелла вела себя так из-за стеснительности. Некоторые люди держатся скованно, когда смущены. Поэтому Элизабет решила всё-таки дать Арабелле шанс и не судить по первому впечатлению.

«Вечно я напридумываю себе что-нибудь о людях, а потом приходится распридумывать, потому что на самом деле всё не так. В прошлом году я уже столько раз ошибалась в своём мнении о ребятах из Уайтлифа, что впредь надо быть осмотрительнее», – решила девочка.

Она улыбнулась Арабелле и проводила гостью в её комнату, чтобы та умылась с дороги. А потом можно будет и поболтать.

– Наверное, грустно расставаться с мамой? Она ведь уезжает в Америку? – начала Элизабет вежливо. – Зато тебе повезло: ты будешь учиться в уайтлифской школе. Это настоящая удача!

– Полагаю, я сумею составить собственное мнение, когда окажусь в школе, – ответила Арабелла. – Хочется надеяться, что там будут приличные дети.

– Конечно. Даже если кто поначалу и озорничает, мы такого быстро перевоспитаем, – пообещала Элизабет. – У нас была парочка шалопаев, а теперь они мои лучшие друзья.

– Мальчики?! Ты говорила о *мальчиках*? – в ужасе переспросила Арабелла. – Я полагала, что буду учиться в школе для девочек. Ненавижу мальчишек!

– У нас смешанная школа, мальчики и девочки учатся вместе, – сказала Элизабет. – И это здорово! Вот увидишь, ты скоро перестанешь ненавидеть мальчишек и привыкнешь к ним.

– Если бы моя мама знала, что в этой школе учатся мальчишки, она бы ни за что меня туда не отправила, – заявила Арабелла. – Грубые, неотёсанные существа – грязные и невоспитанные, да к тому же вечно кричат!

– Ну, иногда и девочки бывают неряхами, – возразила Элизабет. – А что до криков – слышала бы ты *меня*, когда я болею за нашу школьную команду!

– Эта школа кажется мне просто ужасной, – заявила Арабелла. – Я-то надеялась, что мама отправит меня в Грей Тауэрс, туда записали двух моих подруг. Вот где замечательно! Там у каждой девочки своя миленькая спальня и кормят отлично. А к ученицам относятся как к принцессам.

– Ну, если ты думала, что в Уайтлифе с тобой будут нянчиться как с принцессой, то скоро убедишься, что ошибалась, – отрезала Элизабет. – К тебе будут относиться так, как ты того заслуживаешь. Как к обычной маленькой девочке, которой ещё многому предстоит научиться! И учти: если ты станешь из себя корчить невесть что, скоро пожалеешь, миссис её Величество-Высочество!

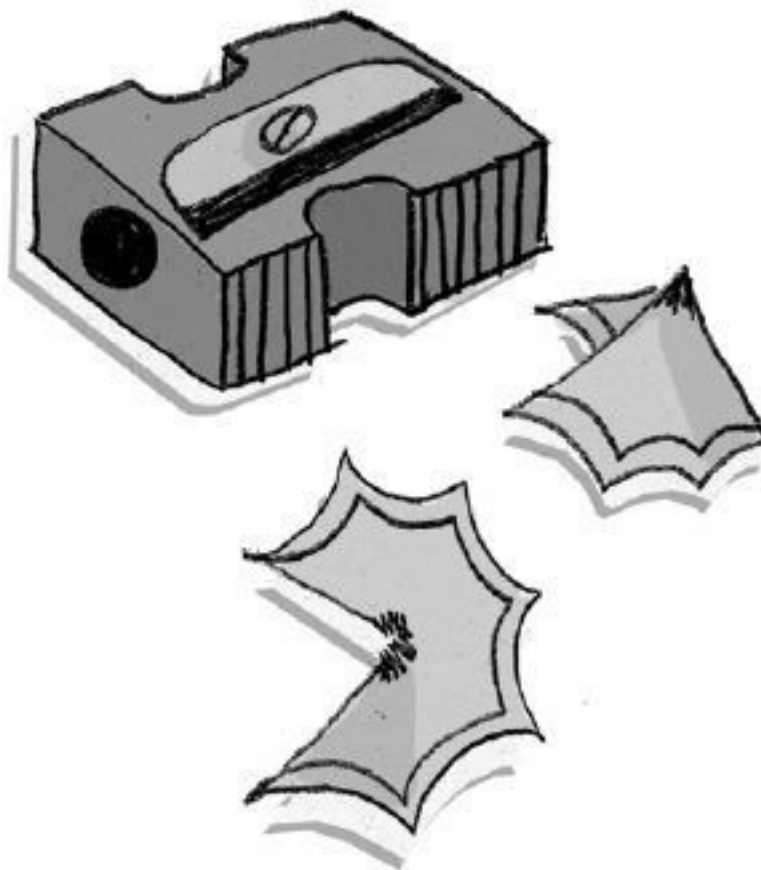
– Фу, какая ты грубиянка! А я ведь у тебя в гостях, – фыркнула Арабелла и задрала нос, чем ещё больше рассердила Элизабет. – Вот каким манерам тебя научили в Уайтлифе! Вряд ли я захочу остаться там дольше одной четверти!

– Надеюсь, что ты и на неделю не останешься! – выпалила Элизабет. И тут же пожалела, что не сдержалась.

«Ох, как неприятно, – подумала она. – Когда же я научусь держать язык за зубами!»

Глава 2

Возвращение в Уайтлиф

Арабелла и Элизабет так и не подружились. Элизабет абсолютно всё не нравилось в Арабелле, и неприязнь эта, похоже, была взаимной. И у Арабеллы всё в характере и поведении Элизабет вызывало презрение и возмущение.

А вот маме Элизабет девочка понравилась – ведь у неё были такие прекрасные манеры. Она всякий раз вставала, когда миссис Аллен входила в комнату и с неизменной вежливостью открывала и закрывала для хозяйки дома дверь, всегда готовая ей услужить. Но, чем вежливее вела себя Арабелла, тем шумнее становилась Элизабет. Так что миссис Аллен всё чаще приходилось выговаривать дочери, и ей это, конечно, не нравилось.

– Ах, дорогая, вот если бы у тебя были такие прекрасные манеры, как у Арабеллы! Ну почему ты вечно врываешься в комнату с таким шумом! И постоянно перебиваешь меня, не давая договорить!

После подобных слов Элизабет страшно дулась. Арабелла это, конечно, подмечала и с явным удовольствием нарочито вежливо демонстрировала разницу между собой и Элизабет.

Прошла неделя. За это время все в доме успели полюбить Арабеллу, и даже кухарка миссис Дженкс, у которой был весьма крутой нрав.

– Да ты ведь только и делаешь, что подлизываешься к ней, – упрекнула Элизабет Арабеллу, когда та пришла из кухни и сообщила, что миссис Дженкс специально для неё печёт свой знаменитый пирог.

– Я к ней вовсе не подлизываюсь, – как всегда вежливо ответила Арабелла. – А вот тебе, Элизабет, хорошо бы перестать употреблять грубые словечки, они совсем не красят леди. *Подлизываешься!* Фу, как вульгарно!

– Да заткнись ты! – огрызнулась Элизабет.

Арабелла вздохнула:

– Жаль, что мне придётся учиться в Уайтлифе. Если там все такие, как ты, мне там точно делать нечего.

Элизабет вскинула голову.

– Послушай-ка, Арабелла. Давай я расскажу тебе немного об Уайтлифе, тогда ты хоть будешь знать, что тебя ждёт. Тебе *не понравится* школа – а школе не понравишься ты. Уж лучше подготовить тебя заранее, чтобы знакомство не оказалось для тебя слишком горьким.

Арабелла кивнула. Похоже, она немножко струсила.

– То, что я тебе расскажу, порадовало бы большинство детей, ведь в школе всё устроено разумно, с уважением и заботой, – начала Элизабет. – Но, боюсь, такой, как ты, мисс её Высочество-Величество, уайтлифские порядки придутся не по нраву.

– Не смей меня так называть! – рассердилась Арабелла.

– Вот послушай. В школе у нас два председателя, их зовут Уильям и Рита. Оба замечательные. Уильям руководит мальчиками, а Рита девочками. И ещё есть двенадцать старост.

– А это кто такие? – спросила Арабелла, сморщив нос, словно почувствовала дурной запах.

– Лидеры школы, – пояснила Элизабет. – Их выбирают сами ребята, потому что все им доверяют и знают, что они добрые, справедливые и умные. Старосты следят за тем, чтобы всюду соблюдались правила пансиона, и сами соблюдают их, а ещё они помогают Уильяму и Рите решать на еженедельных собраниях, кто из ребят заслужил наказание, а кто награду.

– Что ещё за собрания? – насторожилась Арабелла, вытаращив от удивления свои голубые глаза.

– Ну что-то вроде детского парламента, – объяснила Элизабет. Ей нравилось рассказывать Арабелле об их школьном устройстве. – На каждом собрании мы сдаём все свои деньги в общую кассу, это правило. У нас даже заведена специальная коробка.

– Что? Сдавать собственные деньги в какую-то коробку? – возмутилась Арабелла. – У меня много денег, и я ни за что не стану этого делать! Что за дурацкая идея!

– Может, она и кажется дурацкой, но только поначалу, пока не привыкнешь, – сказала Элизабет, вспомнив, как всего две четверти назад сама негодовала по этому поводу. – Но на деле всё очень здорово придумано. Понимаешь, Арабелла, нехорошо, когда у кого-то одного или двух полно денег и они могут тратить их на что угодно, а у кого-то их вовсе нет. Это нечестно.

– А я думаю, очень даже честно! – выпалила Арабелла, догадавшись, что именно она будет одной из немногих богатых учениц.

– А вот и нет! – возразила Элизабет. – А дальше мы поступаем так: всем раздаём поровну – каждому по два фунта на неделю, их можно тратить на что угодно. Всё по справедливости.

– По справедливости? Всего по два фунта?! – ужаснулась Арабелла.

– Ну, если тебе вдруг понадобится больше, обратись к председателям, и они решат, выдать тебе ещё или нет, – объяснила Элизабет.

– А чем ещё вы занимаетесь на этих ваших собраниях? – спросила Арабелла. – По мне, так они просто ужасные. Разве учителя не имеют на них права голоса?

– Только если мы к ним обратимся. Понимаешь, взрослые хотят, чтобы мы сами устанавливали правила, сами решали, как и за что наказывать, и сами определяли поощрения. Например, предположим, ты, Арабелла, слишком высокомерная, что ж, мы попробуем излечить тебя...

– Не надо меня лечить, – твёрдо заявила Арабелла. – Тебя саму стоило бы излечить много от чего. Удивительно, почему старосты этим не занялись. Может, начнут в этой четверти?

– Да я сама теперь староста, – с гордостью сообщила Элизабет. – Одна из двенадцати членов президиума, которые сидят на подиуме во время собрания. И если кто на тебя пожалуется, я буду вправе судить и решать, как с тобой поступить.

Арабелла покраснела.

– Ничего себе! Не хватало ещё, чтобы такая невоспитанная девочка, как ты, судила меня! – выпалила она. – Да ты даже ходить правильно не умеешь, у тебя нет никаких манер и ты вечно хохочешь во всё горло!

– Утомонись, – сказала Элизабет. – Может, я и не такая примерная, как ты. Зато не подлизываюсь ко всем взрослым без разбору. Я ничего из себя не строю и не стараюсь выглядеть как глупая расфуфыренная кукла, которая, если потянуть за шнурок, пищит «ма-ма».

– Элизабет Аллен, будь я такой, как ты, швырнула бы в тебя чем-нибудь за такие слова – прямо в голову! – вскочив, прошипела в ярости Арабелла.

– Ну так швырни! – подзадорила её Элизабет. – Всё лучше, чем быть «миленькой девочкой, маменькиной драгоценной дочуркой»!

Арабелла в сердцах выбежала из комнаты, хлопнув дверью и забыв про всякие манеры, – прежде она никогда такого себе не позволяла.

Элизабет усмехнулась. А потом задумалась.

«Будь осторожнее, Элизабет Аллен! – сказала она себе. – Ты умеешь наживать врагов, но не накличь беду. Арабелла, конечно, дуручка и пустоголовая воображала, но позволь школе перевоспитать её, не пытайся делать это сама. Лучше подружись с ней, чтобы помочь».

Так что Элизабет старалась не думать о том, как неприятна ей маленькая заносчивая Арабелла с её кукольными нарядами и манерами, и по возможности держалась с гостьей приветливо. О, как она была рада-радешенька, когда наступила наконец пора возвращаться в школу! Ведь в Уайтлифе её ждут друзья и там будет, с кем поговорить и посмеяться. А проводить все дни в компании одной Арабеллы было просто невыносимо, с ней она будет теперь общаться, только когда сама этого захочет.

«Она старше меня, так что, может, ещё попадёт в другой класс», – думала Элизабет, с удовольствием надевая школьную форму. Это была красивая форма. Тёмно-синий пиджак с жёлтой окантовкой на воротнике и манжетах. Шляпка тоже тёмно-синяя с жёлтым бантом. На ногах – длинные коричневые чулки и коричневые туфли на шнурках.

– Как я ненавижу эту мрачную школьную форму! – с отвращением произнесла Арабелла. – Сплошное уродство! В Грей Тауэрс, в той школе, где я хотела бы учиться, девочкам разрешено носить то, что они сами выберут.

– Ну и глупо, – ответила Элизабет. Она оглядела Арабеллу с ног до головы. В школьной форме, а не в дорожке, сшитой на заказ, одежде девочка выглядела иначе. Теперь она хотя бы походила на школьницу, а не на какую-то розовощёкую куклу. – Совсем другое дело, – сказала Элизабет. – В форме ты мне больше нравишься. Ты так более естественная, что ли.

– Что за странные вещи ты говоришь? – удивилась Арабелла. – Я такая, какая есть. Как и ты.

– Не думаю, – с сомнением в голосе произнесла Элизабет. Она испытующе посмотрела на Арабеллу. – Ты так спрятана за своими рюшечками да кружевами, хорошими манерами и сладкими речами, что я и не знаю, какая ты на самом деле.

– Что за глупость! – вспыхнула Арабелла.

И тут их позвала миссис Аллен:

– Девочки, вы готовы?! Автомобиль ждёт у ворот.

Они спустились вниз, каждая с маленьким чемоданчиком в руке. В нём было только самое необходимое на первую ночь – ночная рубашка, зубная щётка, ну и тому подобное, – всё остальное находилось в больших чемоданах, которые распакует только на следующий день.

Ещё девочки несли клюшки для хоккея и для лакросса. Правда, Арабелла выразила надежду, что ей не понадобится ни та ни другая, – она терпеть не могла спортивные игры.

Девочки сели на лондонский поезд, а потом на большом вокзале встретили других учеников, которые возвращались в школу Уайтлиф. Мисс Рейнджер, классная руководительница Элизабет, тоже была там и поздоровалась с ними.

– Это Арабелла Бакли, – представила Элизабет.

Все тут же повернули головы, чтобы посмотреть на новенькую – такую аккуратную и нарядную, словно с иголки. Ни один волосок не выбился, коричневые чулки нигде не топорщатся, никаких пятен на щеках.

– Привет, Элизабет! – крикнула Джоан и подхватила подругу под руку.

Один за другим к Элизабет подходили её друзья, и то и дело слышалось:

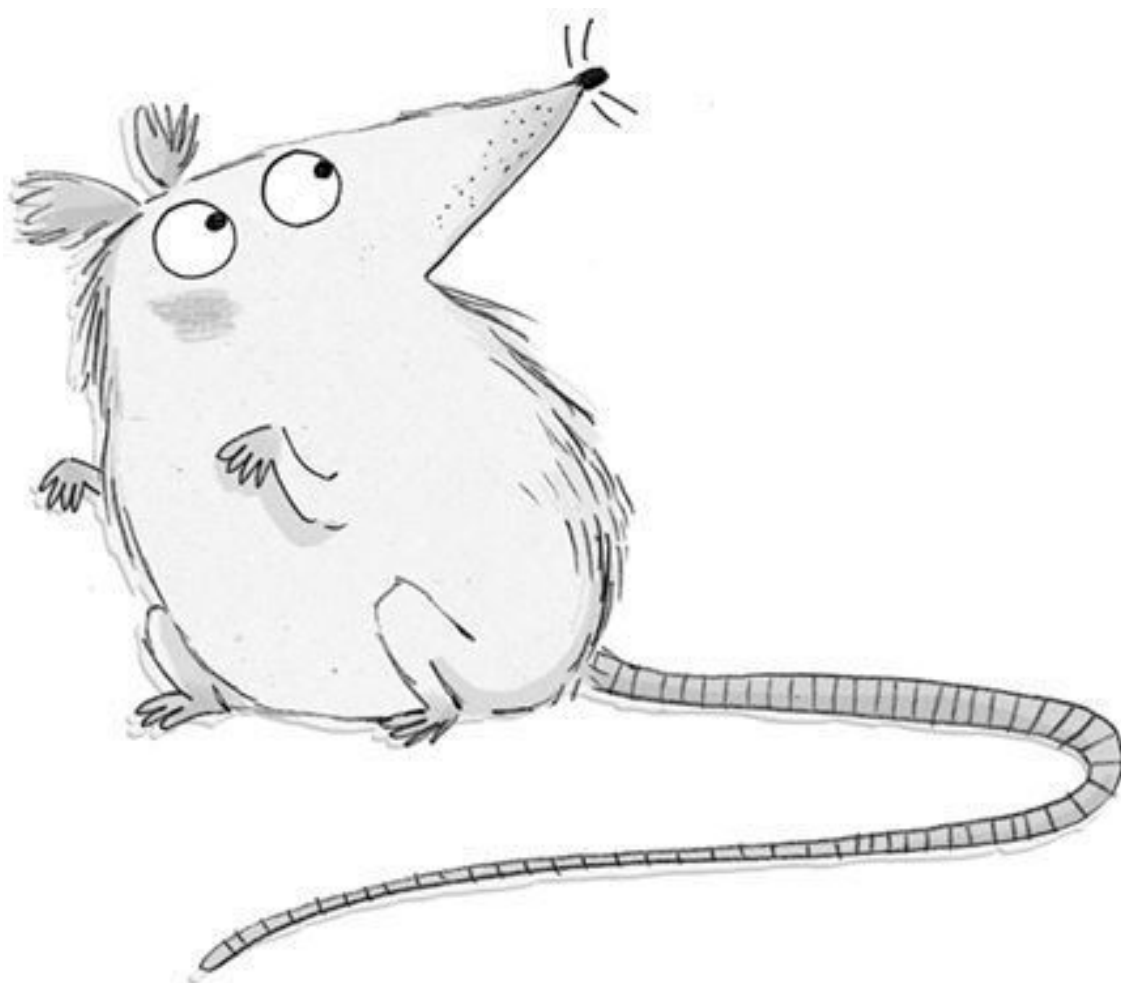
– Привет, Элизабет! Привет, Элизабет! Привет, Элизабет!

Они улыбались и радовались, что снова видят ту, которая совсем недавно была самой несносной девчонкой во всей школе. Гарри хлопнул Элизабет по спине, и Роберт тоже. Джон поинтересовался, занималась ли она садом. Подошла Кэтлин, такая же розовощёкая и с ямочками на щеках. Ричард помахал ей, когда заносил в поезд свою скрипку.

«Как хорошо снова оказаться всем вместе, – подумала Элизабет. – К тому же в этой четверти я буду старостой. Уверена, что я отлично справлюсь. И заставлю эту задаваку Арабеллу уважать меня!»

– Быстро все в поезд! – скомандовала мисс Рейнджер. – Прощайтесь и заходите в вагон. Дежурный свистнул в свисток. Поезд тронулся. Они снова ехали в Уайтлиф.

Глава 3 Четверо новеньких

Главный вопрос в начале каждой четверти: есть ли новенькие, кто они и в какой класс попадут?

Старожилы высматривали новичков. На этот раз их четверо: Арабелла и ещё одна девочка и два мальчика.

Как староста, Элизабет считала своим долгом помочь им освоиться в школе. Как только они прибыли в Уайтлиф, она принялась за дело.

– Кэтлин, покажи Арабелле её спальню и объясни правила. А я займусь тремя другими. Роберт, а ты не сможешь мне присмотреть сегодня за двумя новенькими мальчиками?

– Хорошо, – сказал Роберт и улыбнулся. Он изрядно подрос за каникулы, вытянулся и окреп. И был рад вернуться в школу, потому что здесь были лошади, которых он обожал. Роберт надеялся, что ему, как и в прошлой четверти, позволят за ними ухаживать.

Элизабет повернулась к новичкам. Арабелла уже ушла с Кэтлин, она выглядела испуганной. Трое других новичков стояли вместе. Один из мальчиков издавал странные звуки.

– Будто курица кудахчет, – сказала Элизабет. – Можно подумать, что ты снёс яйцо. Новенький усмехнулся.

– Я умею подражать почти всем животным, – сказал он. – Меня зовут Джулиан Холланд. А тебя как?

– Элизабет Аллен, – представилась Элизабет и с интересом посмотрела на новичка. Такого неряхи она в жизни не видывала. Длинные чёрные волосы спадали космами на лоб, закрывая тёмно-зелёные глаза, блестящие как у кошки.

«Кажется, он очень умный, – подумала Элизабет. – Готова поспорить, что будет лучшим в классе, если окажется у мисс Рейнджер».

Мальчик издал звук, похожий на индюшачье кулдыканье. Мистер Льюис, учитель музыки, как раз проходил мимо и удивлённо покосился в их сторону. Джулиан тут же издал звук настраиваемой скрипки, услышав его, учитель поспешил в один из музыкальных классов, решив, что там кто-то упражняется на скрипке.

Элизабет прыснула со смеху:

– А ты не промах! Надеюсь, окажешься в моём классе.

Второй мальчик, Мартин, был совсем другим. Очень аккуратный и чистенький. Волосы тщательно зачёсаны со лба назад, а глаза ясно-голубые, немного близко посаженные, но взгляд открытый и вполне невинный. Элизабет он понравился.

– Меня зовут Мартин Фоллет, – произнёс он приятным голосом.

– А я – Розмари Винг, – сказала новенькая девочка. У неё было миленькое личико, улыбающийся рот, но глаза маленькие, которые она постоянно опускала вниз, словно боясь смотреть глаза в глаза.

«Наверное, очень стеснительная, – заключила Элизабет, – ничего, это пройдёт».

– Роберт, проводи, пожалуйста, Джулиана и Мартина в их корпус и не оставляй, пока они не разберутся, что к чему, а заодно покажи, где у нас столовая и всё прочее, – попросила Элизабет. – А я отведу Розмари.

– Хорошо, староста, – сказал Роберт, снова улыбнувшись.

Элизабет испытала чувство гордости. Здорово быть старостой!

– Ох, так ты староста? – спросила Розмари, семена за Элизабет. – Это ведь очень почётно, верно?

– Верно, – кивнула Элизабет. – Я твоя староста, Розмари. Так что по любым вопросам и с малейшими затруднениями обращай ко мне. Я постараюсь помочь.

– А я думала, мы должны рассказывать о своих трудностях и жалобах на еженедельных собраниях, – сказала Розмари. Так она поняла из разговоров в поезде.

– Да, конечно. Но для начала лучше сообщить мне, – ответила Элизабет. – Видишь ли, на собрании мы поднимаем только очень важные вопросы и жалобы, а не обсуждаем всякие там сплетни и рассказы. Возможно, ты ещё не знаешь разницы между пустой болтовнёй и настоящими проблемами.

Розмари кивнула:

– Я так и сделаю.

«А она милая», – подумала Элизабет, показывая девочке, куда убрать вещи, и объясняя, что ей надо достать зубную щётку, расчёску и ночную сорочку.

– Кстати, Розмари, на туалетном столике разрешается держать не больше шести вещей. Выбери, что захочешь оставить наверху.

Приятно было объяснять школьные правила. Элизабет вспомнила, как в первый день в школе-пансионе её вот так же наставляла староста Нора, но как же глупо она тогда себя вела! Заупрямилась и отказалась выполнять требования старосты, выложив на столик одиннадцать предметов. И как она только посмела!

– Хорошо, Элизабет, – послушно сказала Розмари и пересчитала вещи на своём столике.

В соседней спальне Кэтлин не так легко было убедить Арабеллу, которая выслушивала её объяснения, не скрывая насмешки.

– На самом деле правил не так много, – сказала Кэтлин. – А раз мы сами их устанавливаем, то должны и выполнять. Если хочешь, я позову Элизабет, она наша староста и сможет всё тебе как следует объяснить.

– Не надо никакой Элизабет, – поспешила отказаться Арабелла. – Мне хватило её общества на каникулах. Надеюсь, мы попадём в разные классы.

Кэтлин с большим уважением относилась к Элизабет, хотя в предыдущей четверти было время, когда она её ненавидела. И она сразу же предупредила:

– Не стоит говорить в таком тоне о наших старостах. Мы потому их и выбрали, что они нам нравятся. И вообще, отзываться дурно о человеке, у которого только что был в гостях, – разве это хорошо?

Арабеллу ещё ни разу не упрекали в плохих манерах. Она побледнела и не могла найтись с ответом. Посмотрела на Кэтлин и решила, что та ей не нравится. По правде говоря, ей никто здесь не нравился, кроме той новенькой – малютки Розмари. С ней бы она, может, и подружилась. Арабелла не сомневалась, что Розмари придёт в восторг от её рассказов о красивой жизни, богатстве, дорогих нарядах и великолепных праздниках.

В течение первых нескольких дней все освоились. Кое-кто ещё скучал по дому, но в Уайт-лифе к детям относились с заботой и все ученики были такими милыми и приветливыми, что новички быстро привыкали к обстановке. Повсюду раздавался смех и весёлые голоса.

Все новенькие оказались в классе с Элизабет. Она была этим довольна. Теперь, когда Элизабет стала старостой, ей хотелось показать Джулиану и остальным, как она умеет со всем справляться. Джоан перешла в старший класс, так что Элизабет осталась единственной старостой.

Мисс Рейнджер, их классная, быстро составила мнение о вновь прибывших учениках и поделилась им с Мадемуазель:

– Джулиан – лентяй, и это очень досадно, потому что у него светлая голова. Он придумывает много интересного, но только вне класса. Ещё у него золотые руки, он может смастерить всё что угодно. Я видела, как он показывал детям свой аэроплан, тот так красиво летал! И ведь надо же, до всего додумывается сам, ничего не копирует! Может часами вынашивать свои идеи, а на то, чтобы выучить историю или географию, не потратит ни минуты.

– Ах, этот Джулиан! – сказала Мадемуазель с неодобрением. – Не нравится мне он. Постоянно издаёт какие-то странные звуки.

– Звуки? – удивилась мисс Рейнджер. – У меня он ничего такого не вытворял. Пусть только попробует!

– Вчера на уроке раздалось мяуканье, – начала рассказывать Мадемуазель. – Я всполошилась. Подумала: «Бедная киска! Наверное, забежала к нам в класс и потерялась». Минут десять её искала. А оказалось, что мяукал этот мальчишка!

– Неужели? – удивилась мисс Рейнджер. Уж она-то не потерпит никакого мяуканья или лая в своём классе! – Спасибо, что предупредили. Я понаблюдаю за этим Джулианом.

Разговор перешёл на Арабеллу.

– Глупая, пустоголовая девочка, – сказала мисс Рейнджер. – Надеюсь, нам удастся как-то это исправить. На самом деле ей следовало бы учиться на класс старше, но она так отстала, что сперва её надо немного подтянуть. Кажется, она слишком высокого о себе мнения. Постоянно поправляет волосы и приглаживает платье. Всячески пытается показать, какие у неё превосходные манеры.

– Ну не такая уж она и плохая, эта девочка, – вступилась за неё Мадемуазель, которой Арабелла понравилась, ведь та прожила целый год во Франции и хорошо говорила по-французски. – В моей стране, мисс Рейнджер, у детей манеры лучше, чем здесь, – так что приятно видеть воспитанную девочку.

Мисс Рейнджер хмыкнула. Она знала, что Мадемуазель всё прощала тем, кто хорошо говорил по-французски.

– А что вы думаете о Мартине и Розмари?

– О, это милые детки! – прошептала Мадемуазель, которой нравилась услужливость и послушание Розмари. – Маленький Мартин – такой добрый и так старается.

– Ну я в этом не уверена, – проговорила мисс Рейнджер. – Розмари – да, думаю, с ней всё в порядке, только она очень слабенькая. Надеюсь, она найдёт себе подходящую компанию. Хорошо бы, Элизабет или Дженни подружались с ней.

Однако не только учителя обсуждали новых учеников, но и сами ученики тоже. Джулиан всем понравился. Настоящий сорвиголова! Он обладал необыкновенными способностями, которые использовал по своему разумению. У него были отличные мозги, он умел делать самые разные вещи, а ещё выдумывал всякие забавные шалости и готов был продемонстрировать их всему классу, как только немножко освоится.

– Стыд и позор, Джулиан! У тебя ума палата, а ты так плохо учишься, – сказала Элизабет в конце недели. – Ты бы мог стать первым учеником!

Джулиан посмотрел на неё своими сияющими зелёными глазами.

– Зачем мне эта морока? – проговорил он. – Кому нужны эти даты? Я их всё равно позабуду, когда вырасту. И к чему знать про самые высокие в мире горы, если я на них никогда не поднимусь? Уроки – такая скука!

Но Джулиан не на ту напал. Элизабет прекрасно помнила, кто она и что должна делать, и потому попросила его:

– Ну постарайся. Подтянись! Ты ведь можешь стать лучшим!

Джулиан рассмеялся:

– Ты это говоришь только потому, что ты староста! Меня такими льстивыми речами не проведёшь! Попробуй найти стоящие доводы, чтобы мне захотелось учиться.

Элизабет покраснела и отвернулась, чтобы уйти. Ей не понравилось, что её обвинили в лести.

Но Джулиан вдруг сказал:

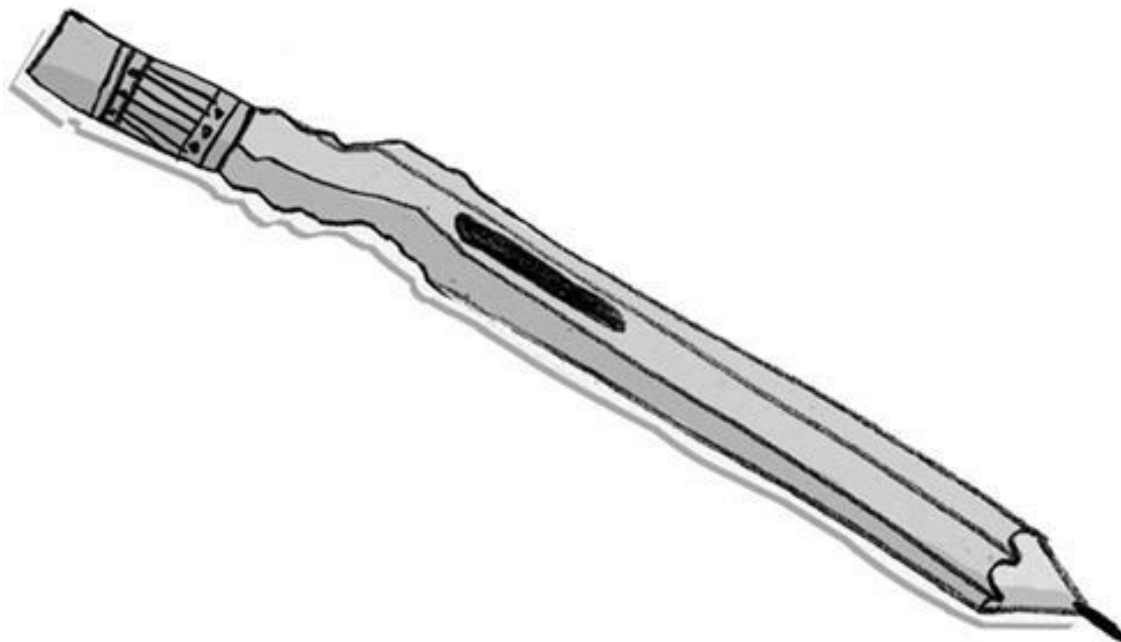
– Ладно, я пошутил. Послушай, Элизабет, раз твоя подруга Джоан перешла в старший класс, почему бы нам с тобой не подружиться? У тебя лучшие мозги в классе – после меня, и с тобой весело. Так что давай дружить.

– Хорошо, давай дружить. С тобой не соскучишься. – Элизабет было приятно, что такой необычный мальчик, как Джулиан, предложил ей дружбу.

С Джулианом и правда скучать не приходилось. Но и забот, как выяснилось, он доставлял немало.

Глава 4

Школьное собрание

Арабелла и другие новенькие с большим интересом ждали первого собрания. Где бы они ни учились раньше, нигде не было школьного парламента, которым управляли сами дети. Новичкам было интересно, как это всё устроено.

– Пожалуй, отличная идея, – сказал Мартин.

– И мне так кажется, – робко поддержала Розмари, готовая со всеми соглашаться.

– А я думаю – это глупость, – заявила Арабелла. Она с пренебрежением отзывалась обо всём в Уайтлифе. Ей хотелось перейти в ту престижную школу, в которой учились её подруги, и потому Арабелла с презрением выслушивала рассказы о разумной организации в Уайтлифе.

Неожиданно Джулиан поддержал её, хотя обычно ему не было дела до Арабеллы с её дурацкими нарядами и манерами.

– Мне до этого школьного собрания как до лампочки, – заявил он. – Мне всё равно, что они там обсуждают и делают. Пожалуйста, я не возражаю. Пока мне позволяют делать то, что я хочу, я не прочь позволять другим поступать, как им заблагорассудится.

– Ты это только говоришь, а на самом деле так не думаешь, – возразила Кэтлин. – Тебе же не понравится, если кто-нибудь сломает одну из твоих поделок. Или станет рассказывать о тебе всякие небылицы. Наверняка сразу взорвёшься!

Джулиан не любил, когда с ним спорили. Он откинул назад длинные чёрные волосы и поковырял в носу, как он обычно делал, когда был раздражён. Он мастерил крошечную лодочку из какой-то деревяшки. Та словно по волшебству рождалась у него в руках.

– Да пусть говорят обо мне что хотят! – проворчал Джулиан. – Пока я могу заниматься любимым делом, мне всё равно.

– Ты странный мальчик, – сказала Дженни. – В классе ты притворяешься невеждой, а потом вдруг оказываешься умнее других.

– С чего ты решила? Что он сделал такое особенное? – спросила Джоан, которая услышала их разговор. Она училась на класс старше, так что не знала, как Джулиан ведёт себя на уроках.

– У нас был урок устного счёта, – начала Дженни. – Джулиан обычно делает ошибки во всех примерах. А на этот раз, уж не знаю, по какой причине – думаю, ему просто захотелось повоображать, – он на все вопросы отвечал правильно, мисс Рейнджер ещё даже договорить не успевала.

– Да и сама мисс Рейнджер была страшно удивлена, – вставила Белинда. – Стала задавать ему примеры всё сложнее и сложнее – такие, на которые нам всем потребовалось бы несколько минут, а Джулиан с ходу на них отвечал. Просто поразительно!

– Зато потом мисс Рейнджер на него страшно рассердилась, – сказала Кэтлин, – потому что на следующем уроке математики он словно заснул и ни на какие вопросы уже не реагировал.

Джулиан ухмыльнулся. Да, он необыкновенный мальчик. Понятно, почему одноклассники полюбили его. С ним всегда интересно. Они упрасивали его позабавиться на уроках мисс Рейнджер, имитируя звуки животных, но он не соглашался.

– Она сразу догадается. А что за радость, если всё заранее понятно. Другое дело, когда люди подобно Мадемуазель и правда думают, что в классе настоящий котёнок, ну или кто-то ещё. Вот увидите, я вас скоро повеселю! Только сам выбери, над кем подшутить.

Элизабет с нетерпением ждала первого школьного собрания и представляла, как будет сидеть на возвышении вместе с другими старостами – перед всеми учениками. Нет, она не зазналась, став старостой, но гордилась тем, что её избрали.

«Это честь для меня, – говорила она самой себе. – Значит, мне доверяют и меня ценят. Надеюсь, я не подведу».

Дети пришли на собрание в большой зал. Потом появились двенадцать старост с серьёзными лицами и заняли свои места в президиуме, похожем на настоящий. Арабелла с неодобрением посматривала на Элизабет. Надо же, эта невоспитанная девчонка, которая не имеет представления о приличных манерах, – староста!

Последними в зал вошли Уильям и Рита, председатели школы. Все дети встали, приветствуя их.

На заднем ряду сидели мисс Белл, мисс Бест и мистер Джонс. Они всегда интересовались собраниями, но, если председатели к ним не обращались, в происходящее не вмешивались. Это был детский парламент, где ученики сами утверждали собственные законы и правила и где поощряли и порицали тех, кто этого заслуживал.

На первом собрании обсуждать особо было нечего. Всем предложили сдать карманные деньги. Когда Элизабет направилась обходить учеников с коробкой, она с интересом посмотрела на Арабеллу. Послушается ли та или откажется сдавать?

Арабелла сидела, надувшись, с холодным надменным видом. Когда коробка приблизилась к ней, она положила в неё десять фунтов и две монетки по фунту. А на Элизабет даже не взглянула.

У большинства после каникул было немало денег, чтобы внести в общий котёл. Родители и родственники, отправляя детей в школу, надарили им фунтов, пенни и даже крупных купюр, так что коробка быстро наполнилась и потяжелела. Элизабет передала её Рите и Уильяму.

– Спасибо, – поблагодарил Уильям.

Ученики переговаривались между собой, так что Уильяму пришлось постучать молоточком по столу. Все сразу притихли. Слышалось лишь какое-то бормотание, словно что-то скворчало на сковороде.

Звук исходил из того места, где сидели Дженни, Джулиан и Кэтлин. Это озадачило Уильяма. Он ещё раз постучал молотком, но шум продолжался и даже стал немного громче.

Элизабет сразу догадалась, что это проделки Джулиана, и зыркнула на него. Мальчик сидел на скамье, его зелёные глаза смотрели куда-то поверх голов учеников, губы не шевелились. Элизабет почувствовала, что вот-вот прыснет со смеху, и постаралась подавить смешок.

«Я же староста, мне нельзя смеяться, когда я тут сижу перед всеми, – подумала она. – Ох, скорей бы этот Джулиан прекратил! Ну прямо как сковородка, только громче».

Тем временем несколько детей не выдержали и рассмеялись. Уильям снова резко стукнул молотком по столу. Элизабет не могла решить, следует ли ей сказать, что это Джулиан издаёт странные звуки и мешает вести собрание. «Нет. Он же мой друг. Я не могу подставлять его, пусть я и староста», – решила она. Элизабет попробовала поймать взгляд Джулиана и, когда ей это удалось, посмотрела на него строго и нахмурилась.

Джулиан булькнул в последний раз и смолк. Уильям так и не догадался, кто это был. Председатель обвёл собравшихся взглядом.

– Возможно, один раз прервать собрание – это забавно, – сказал он. – Но в следующий это так просто виновнику с рук не сойдёт. А теперь начнём распределять деньги.

Дети подходили по очереди и брали по два фунта. Уильям предусмотрительно запасся мелочью для размена, которую насыпал в коробку, забрав оттуда крупные купюры.

Когда каждый взял себе на карманные расходы, Уильям заговорил снова:

– Новичкам, наверное, уже известно, что на эти два фунта они могут купить почтовые марки, конфеты, заколки, бумагу и прочие мелочи. Если кому-то потребуется больше, следует обратиться к нам. Нужны ли кому-нибудь дополнительные средства на эту неделю?

Поднялся Джон Терри. Он ухаживал за школьным садом и делал это старательно и ответственно. Вместе с другими детьми, которые помогали ему, он обеспечивал школу отличными овощами и цветами. Все гордились Джоном.

– Уильям, нам бы пригодилась маленькая тачка, – сказал он. – В саду мне помогают несколько детей из младших классов, а старая тачка для них тяжеловата.

– Ясно, а сколько она стоит? – спросил Уильям. – Сейчас у нас в коробке достаточно денег, но не хотелось бы сразу потратить слишком много.

Джон Терри принёс с собой лист с расценками. Он стал перечислять, сколько стоят разные тачки.

– Что-то они все больно дорогие, – сказал Уильям. – Может, лучше подождать немного и убедиться, что младшие ученики останутся у тебя в помощниках? Ты ведь знаешь, как бывает: сначала все берется за дело с охотой, а потом кому-то и наскучит. Если так случится, то покупка новой тачки окажется пустой тратой денег.

Джон был явно разочарован.

– Конечно, тебе решать, Уильям. Но я уверен, что младшие и дальше будут помогать. По крайней мере, Питер. Он очень старался в прошлой четверти, и мне теперь не обойтись без его помощи в саду. Он привёл с собой ещё двух друзей на подмогу.

Маленький Питер от удовольствия покраснел как рак, услышав похвалу Джона. А два его приятеля решили, что тоже будут стараться вовсю, чтобы Джон гордился ими, как и Питером.

– Хочет ли кто-нибудь высказаться по поводу тачки? – спросила Рита.

Все промолчали. И тут заговорил Джулиан:

– У младших должна быть своя тачка. Я могу её сделать, мне это несложно.

Джулиан не встал с места, а лениво развалился на скамье в своей обычной манере.

– Встань, когда говоришь, – напомнила ему Рита.

Но Джулиан, похоже, не собирался её слушаться. Однако в конце концов он поднялся и повторил своё предложение:

– Я сделаю тачку. Маленькую. Если мне разрешат порыться в сарае. Я наверняка найду там всё что нужно. И вам не придётся тратиться.

Предложение заинтересовало всех.

Элизабет поддержала его:

– Разреши Джулиану сделать тачку, Уильям! У него золотые руки. Он может смастерить всё что угодно!

– Замечательно. Спасибо за твоё предложение, Джулиан, – сказал Уильям. – Принимайся за работу как можно быстрее. Ну, что ещё вы хотите обсудить?

Но больше вопросов не было. Уильям объявил собрание закрытым, и ученики разошлись по своим делам.

– Молодец, – похвалила Элизабет, беря Джулиана под руку. – Уверена, у тебя получится самая красивая тачка на свете.

Глава 5 Над Арабеллой сгущаются тучи

Новенькие постепенно привыкли к школе. Джулиан со знанием дела занимался тачкой. Он обследовал сарай и нашёл резиновое колесо от старого трёхколёсного велосипеда, отыскал доски и всякие нужные мелочи и отнёс их в столярную мастерскую.

Дети слышали, как он насвистывает там, стуча молотком. Иногда из сарая доносился какой-то скрип, словно тачку катали туда-сюда.

– Ого! Неужели он уже закончил? – удивился Гарри. – Да он просто волшебник!

Но, конечно, не всё ещё было готово. На самом деле Джулиан просто подражал скрипу тачки. Так что его зелёные глаза весело блеснули, когда дети с любопытством заглянули в сарай. Он был рад, что шутка удалась.

Мальчики и девочки окружили его, не скрывая восхищения:

– Джулиан! У тебя получается чудесная тачка! Какой же ты умный!

– Вовсе нет, – рассмеялся Джулиан. – Я самый отстающий в классе, разве вы не слышали?

– И всё-таки тачка замечательная! – похвалила Белинда. – Совсем как настоящая.

Но Джулиан обращал на похвалы не больше внимания, чем на порицания. Он вызвался сделать тачку не потому, что она нужна была младшим ученикам, а потому что знал, что справится. Ему просто захотелось её сделать, вот и всё.

Но, несмотря на его показное равнодушие, Джулиана все любили. Кроме Арабеллы. Она подружилась лишь с Розмари. А та считала эту красивую девочку с прекрасными манерами

настоящей принцессой. Ходила за ней следом, выслушивала всё, что та говорила, и со всем соглашалась.

– Я считаю, что это дурацкая школа, – частенько повторяла Арабелла. – Все эти глупые правила, такие только дети могут придумать! Особенно требование сдавать деньги в общую коробку.

Розмари, которая прежде считала, что школьные правила как раз потому и хороши, что их придумали сами дети, сразу же согласилась с Арабеллой:

– Да, всё это глупо. – Правда, на самом деле ей было всё равно, ведь родители у девочки были не больно зажиточные и не могли дать дочери много денег. У неё и было-то всего два фунта пятьдесят центов. Но Розмари во всём охотно соглашалась с подружкой, и она добавила:

– Особенно для таких, как ты, Арабелла, кому приходится отдавать слишком много. Стыд и позор. Я видела, что ты положила в коробку десять фунтов и ещё два фунта мелочью.

Арабелла посмотрела на Розмари, прикидывая, можно ли той довериться. У Арабеллы был секрет. Она сдала не все деньги. Приберегла пять фунтов. Так что теперь с теми двумя, которые она получила, у неё было семь. Ими она ни с кем делиться не собиралась и спрятала их в чехол для носовых платков.

«Нет, – решила она. – Пока не стану ей говорить, я ещё недостаточно хорошо её знаю. Хоть она и моя подружка, но частенько бывает глуповата. Пусть всё остаётся в секрете».

Так что Арабелла держала это в тайне. Но в тот же день они с Розмари отправились в город купить марки и заколку для Розмари. Арабелла не удержалась и решила потратить часть своих денег.

– Ты иди на почту за марками, а я зайду в магазин и куплю немножко конфет и шоколада, – сказала она Розмари, поскольку не хотела, чтобы подружка увидела, какой дорогой шоколад она покупает – на целых три или четыре фунта.

Пока Розмари ходила за марками, Арабелла проскользнула в кондитерскую и купила фунт мятных шоколадок, которые очень любила.

А увидев там банку с леденцами, она купила и её тоже. Розмари ещё не вернулась, и Арабелла заглянула ещё в соседнюю лавку и купила книгу.

Потом девочки немножко погуляли по городу и вернулись в школу.

– Знаешь, – сказала Арабелла, беря Розмари за руку, – какое ещё дурацкое правило есть в Уайтлифе? То, что никому не разрешается в одиночку ходить в город, кроме старост и учеников старших классов.

– И правда глупо, – согласилась Розмари.

Арабелла раскрыла пакет с шоколадками:

– Хочешь одну?

– Ой, Арабелла, какие замечательные шоколадки! – У Розмари глаза на лоб полезли от удивления. – Да ты на них, наверное, все деньги истратила!

Девочки вошли в ворота школы, жуя шоколад. Он так и таял во рту. Арабелла закрыла пакет и сунула в карман зимнего пальто – не хотела, чтобы другие увидели, сколько шоколада она накупила, и догадались, что она потратила больше, чем могла.

Когда Арабелла снимала шапку и пальто, Дженни в это время одевалась. Она заметила, как Арабелла положила на скамейку книгу, и взяла её в руки посмотреть.

– Ого! Я давно мечтала прочитать эту книгу. Одолжишь?

– Я ещё сама не читала, – ответила Арабелла. – Только что купила.

Дженни посмотрела на ценник на обложке и присвистнула.

– Целых три фунта! Как же ты смогла купить её за два?

– Я купила её со скидкой, – соврала, запнувшись на миг, Арабелла и покраснела.

Внимательная Дженни это заметила и задумалась, но ничего не сказала. «Хитрюга какая! Выходит, она не все деньги сдала в кассу!» – догадалась Дженни.

В тот вечер Розмари и Арабелла сидели вместе в общей комнате. Арабелла страшно сердилась на Розмари за то, что та проболталась про мятные шоколадки. Конечно, она не нарочно – но дело-то сделано!

Дети говорили о кондитерской, которая им очень нравилась. Там они каждую неделю тратили все свои деньги.

– Мне кажется, леденцы покупать выгоднее всего, – сказала Дженни.

– Вовсе нет. Жевательных конфет «Clear gums» хватает на подольше, – возразила Белинда.

– Это если их не жевать, – вставил Гарри. – Спорим, что, если правильно сосать леденец, не откусывая, от начала до конца, а потом тянучку, совсем не жуя, то разницы никакой нет.

– Давай попробуем и проверим, – предложил Джон.

– Только не я, – сказала Дженни. – Я всегда откусываю, даже не успеваю заметить, как – раз – и проглотила.

– А мне кажется, что выгоднее всего покупать мятные шоколадки, – вдруг тонким голоском заявила Розмари.

Все так и прыснули со смеху.

– Дурочка! – сказал Джулиан. – Ты сможешь купить не больше пяти на пятьдесят пенсов. Они же такие дорогие!

– А вот и нет! – возразила Розмари. – Не такие уж они и дорогие. Арабелла, покажи им, какой огромный кулёк ты сегодня купила.

Вот этого Арабелле меньше всего хотелось. Она строго посмотрела на Розмари:

– Не говори ерунды. Я купила всего ничего. Они и правда дорогие.

Розмари страшно удивилась. Разве она сама не лакомилась из полного пакета? Девочка уже открыла рот, чтобы напомнить об этом, но поймала предупреждающий взгляд Арабеллы и запнулась.

Дети с большим интересом наблюдали за ними. Все были уверены, что Арабелла потратила на шоколад кучу денег. А Дженни, вспомнив ещё и про книгу, строго посмотрела на Арабеллу.

Но к той, похоже, вернулось её обычное высокомерие.

«Ах ты обманщица! – подумала Дженни. – И своими королевскими манерами нас не проведёшь. Наверняка где-то припрятала эти шоколадки, чтобы никто не догадался, сколько денег ты на них потратила. Но я их найду – вот увидишь!»

Спустя несколько минут Арабелла удалилась. Но скоро вернулась и принесла маленький бумажный кулёчек, в котором лежали шесть или семь шоколадок.

– Вот всё, что я купила на мои деньги. Боюсь, на всех тут не хватит, но можно поделить одну на двоих, – предложила она любезно.

Однако никто к ним не притронулся. В Уайтлифе существовало неписаное правило: если тебе кто-нибудь не нравится, ничего у него не бери. Так что все, кроме Розмари, сказали «нет». Розмари всё-таки взяла одну шоколадку, но и она была озадачена. Она ведь собственными глазами видела, какой большой был пакет с шоколадом раньше. Неужели она ошиблась?

Дженни усмехнулась. Арабелла, должно быть, принимает их всех за простачков, решила, что может заставить поверить, будто и впрямь купила лишь горстку конфет. Но глупышка Розмари выболтала её секрет. Где же она всё-таки спрятала остальные конфеты?

Кажется, Дженни догадалась где. Арабелла занималась музыкой, и у неё был большой портфель для нот. Дженни видела, как девочка в нём копалась, хотя музыкальных занятий в тот день у неё не было. Спрашивается зачем?

«Наверняка, прятала туда шоколадки», – подумала Дженни. Она проскользнула в музыкальный класс, где все хранили свои ноты, взяла портфель Арабеллы и заглянула внутрь. Мятные шоколадки были там, куда Арабелла их поспешно затолкала.

В это время в класс вошёл Ричард.

– Полюбуйся, Ричард, – сказала Дженни возмущённо. – Арабелла утаила часть денег и накупила на них гору шоколада и книгу, а нам наврала с три короба.

– Что ж, расскажи об этом на собрании, – предложил Ричард, взял свой портфель и вышел.

Дженни была в задумчивости. Не сочтут ли её рассказ выдумкой? Лучше сперва с кем-нибудь посоветоваться. Пожалуй, Элизабет она пока ничего не скажет, ведь Арабелла гостила у неё дома, и, возможно, расстроится, узнав про такое.

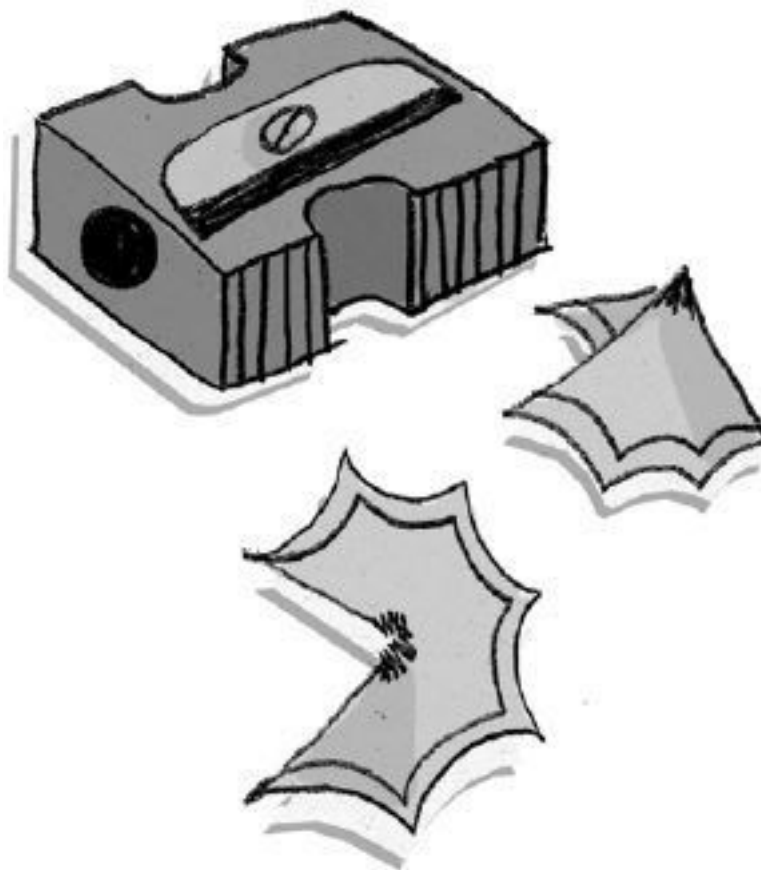
И Дженни рассказала обо всём одноклассникам, когда Элизабет, Розмари и Арабеллы не было рядом. Все, конечно, возмутились.

– Я уверен, что об этом следует сообщить на собрании, – заявил Гарри. – Хотя хорошего мало, если твоё имя оглашают в самом начале четверти, когда ты ещё чувствуешь себя в школе новичком. Давайте сами дадим Арабелле понять, что нам не нравится её поведение. Она догадается почему и на следующем собрании по доброй воле положит все оставшиеся деньги в коробку.

Бедняжке Арабелле предстояли трудные времена. Впервые она узнала, каково оказаться среди тех, кто тебя недолюбливает и даже не скрывает этого.

Глава 6

Арабелла решает пожаловаться

Арабелла задирала нос с первого своего дня в Уайтлифе. Она заявила Розмари, что ей всё равно, нравится она одноклассникам или нет.

Но ей стало не по себе, когда все вдруг начали поглядывать на неё с презрением. Тщеславной Арабелле нравилось, что она может на всех в классе, кроме Розмари, смотреть свысока. Но совсем другое дело, когда точно так же свысока смотрят на тебя!

Возможно, одноклассники и не действовали бы так сплочённо, если бы Арабелла не повела себя глупо с самого начала. Теперь они платили ей той же монетой.

– Они держатся со мной так, словно от меня дурно пахнет! – жаловалась Арабелла верной Розмари. – Этот гадкий Джулиан даже зажимает нос, когда проходит мимо.

И это была чистая правда. Джулиан в самом деле зажимал нос, встречаясь с Арабеллой. Её это страшно бесило! Она привыкла к угождению и обожанию других детей и к похвалам взрослых и не могла понять, что происходит.

Арабелла не догадывалась, почему дети к ней так относятся. Не знала, что они считают её нечестной обманщицей. И была уверена, что ловко распорядилась своими деньгами и никто ни о чём не догадался. Она не подозревала, что Дженни видела шоколадки в её нотном портфеле.

Дженни тоже дразнила Арабеллу. Но она, наоборот, говорила с ней спокойным голосом, подчёркнуто вежливо, точь-в-точь как сама Арабелла, когда рассуждала о прелестях богатства и великолепных каникулах – это были её излюбленные темы.

Дженни отлично умела подражать. Она могла говорить разными голосами и так всех смешила. Дети покатывались со смеху, когда она передразнивала Арабеллу.

– Ах, мои дорогие, – щебетала Дженни, – последние каникулы были просто восхитительными! Мы отправились в путешествие на трёх автомобилях, последний из которых был доверху наполнен нашими вечерними платьями! Я просто обязана рассказать вам о том, как гостила у бабушки. Она позволяла мне ужинать со взрослыми. Каждый вечер подавали пятнадцать перемен блюд и четыре сорта – э-э-э – имбирного пива.

Все эти пародии сопровождались взрывом смеха. Не смеялась только Арабелла. Ей это не казалось смешным. Наоборот, она считала подобные шутки отвратительными. В прежней школе все любили слушать её рассказы. Почему же теперь в этой гадкой школе над ней потешаются?

И ещё одно очень раздражало Арабеллу. Часто, когда она сидела в общей комнате, писала или шила, вдруг появлялась Дженни или кто-нибудь ещё и кричали: «Смотрите – аэроплан!» или «Ой, там моль!» – и указывали на окно или на потолок.

Все сразу поворачивали головы, и Арабелла тоже. Но когда она вновь бралась за шитьё или письмо, то обнаруживала, что пропали ножницы или ручка. Она принималась осматривать пол: не упали ли они. И тут раздавалось хихиканье. Значит, кто-то специально переложил их на подоконник или парту, чтобы её подразнить.

Арабелла пожаловалась Розмари на то, как её задирают, и та сочувственно выслушала подругу.

– Это просто ужасно! Не понимаю, почему они так поступают!

– Так разужнай, – сказала Арабелла. – Поняла? Только не говори, что это я тебя попросила.

И вот, когда Арабелла вышла из комнаты, Розмари набралась храбрости и спросила Дженни:

– Почему вы так гадко обращаетесь с Арабеллой?

– Потому что она этого заслуживает, – буркнула Дженни.

– Чем же она этого заслуживает? – поинтересовалась Розмари.

– А разве ты не считаешь её обманщицей и задавакой? – спросила Дженни. – Я вижу, что ты за ней бегаешь как собачка, но должна же ты понимать, что нечестно утаивать деньги, а потом тратить их только на себя и врать всем семь вёрст до небес.

Дженни пристально посмотрела на смущённую Розмари, и та потупила взор.

Она была слишком робкой, чтобы защитить подругу и не решалась сказать, что ничего об этом не знает. Но теперь, выслушав Дженни, Розмари вдруг осознала, что Арабелла и вправду была обманщицей.

– Да, это так, – наконец проговорила она. – Но неужели в этом вся причина?

– Она должна бы сама догадаться, – ответила Дженни нетерпеливо. – Уж не такая она дурочка.

Розмари не хотелось признаваться, что Арабелла понятия не имеет, за что к ней так плохо относятся. Но и с Арабеллой объясняться ей тоже не хотелось. Розмари, словно лист на ветру, качалась то в одну, то в другую сторону.

– Должна ли я ей теперь сказать? Пожалуй, нет. Она разозлится. Лучше промолчу. Или всё-таки сказать? Нет, не могу.

Так что Розмари ничего Арабелле не рассказала, а когда та её спросила, удалось ли ей что-нибудь узнать у одноклассников, Розмари только покачала головой.

– Они дразнят тебя потому... потому... просто ради забавы, – пролепетала она. – Уж такие они ужасные.

– Ох! – Арабелла покраснела от злости. – Тогда я сама на них пожалуюсь! Надо положить этому конец.

– Арабелла, пожалуйста, не делай этого! – взмолилась Розмари. – Они скажут, что ты возводишь на них напраслину, – и тебе же будет хуже! Поговори сначала со старостой: посоветует ли она тебе выступить на собрании?

– Уж к Элизабет я точно обращаться не стану! – заявила Арабелла. – Просить у неё совета? Нет уж, спасибо!

Арабелла, не подозревая, какую беду может на себя накликать, ненавидя всех и вся, кипела от негодования целую неделю и ждала собрания.

Наконец день настал. Арабелла, поджав губы, поглядывала на одноклассников.

«Погодите же! – словно говорил её взгляд. – Вот увидите, я выведу вас на чистую воду!»

Снова пустили по рядам коробку для денег, но на этот раз сбор был небольшой. Арабелла не положила ровным счётом ничего. Потом всем раздали по два фунта, и началось обсуждение текущих дел.

– Есть ли у кого просьбы?

– Можно мне ещё пятьдесят пенсов? Пожалуйста, Уильям, – попросила Белинда, вставая с места. – На этой неделе я получила письмо без марки, и мне пришлось заплатить за него двойную цену – пятьдесят пенсов. Наверное, моя тётя просто забыла наклеить марку.

– Пятьдесят пенсов Белинде, – распорядился Уильям. – Это не её вина, что ей приходится доплачивать.

– А можно мне шестьдесят пенсов на новый мяч? Пожалуйста, – робко спросил, вставая, маленький мальчик. – Мой закатился на железнодорожные пути, и мне не разрешили его оттуда достать.

– Обратись к Айлин, она продаст тебе старый мяч за двадцать пенсов, – посоветовал Уильям. – Но заплатить тебе придётся из своих карманных денег.

Больше просьб не было. Дети стали перешёптываться, и Уильям постучал по столу своим молоточком. Все притихли.

– Есть ли у кого жалобы?

Арабелла и ещё одна девочка встали почти одновременно.

– Присядь, Арабелла. Мы выслушаем тебя второй, – сказала Рита. – Что у тебя, Памела?

– Возможно, это пустяк, – начала Памела, – но мне очень мешает, что мой столик в спальне стоит у большого окна. Староста велит нам оставлять окна открытыми, когда мы уходим, и это правильно, но при сильном ветре вещи с туалетного столика сдувает, и они разлетаются по всей комнате.

Все рассмеялись. Рита и Уильям улыбнулись. Но Джоан, одноклассница Памелы и староста, обратилась к Рите:

– У всех, кто спит в спальнях с открытыми окнами, одна и та же проблема. Нельзя ли переставить туалетный столик от окна, если Матрона не будет против. – Матрона занималась хозяйством и могла бы распорядиться передвинуть столик.

– Я спрошу её завтра, – пообещала Рита.

– Теперь ты, Арабелла, – сказал Уильям, заметив раскрасневшееся сердитое личико девочки, которая ждала своей очереди.

Арабелла аккуратно встала, даже в гневе не забывая о хороших манерах.

– Пожалуйста, Уильям, – начала она своим ровным вежливым тоном, но голос её всё-таки немного дрожал от волнения. – Пожалуйста, у меня очень серьёзная жалоба.

Все замерли. Что бы это могло быть? Серьёзную жалобу стоило выслушать. Первый класс переглянулся. У всех ребят вытянулись лица. Ну что ж, раз она такая дурочка, пусть сама себя выдаст!

– На что ты хочешь пожаловаться? – спросил Уильям.

– С тех пор как я сюда приехала, – начала Арабелла, – мои одноклассники, все, кроме Розмари, относятся ко мне очень дурно. Я просто не могу вам передать, насколько это ужасно.

– Думаю, тебе следует рассказать об этом подробнее, – попросил Уильям. – Не годится жаловаться, не объясняя сути. Не могу поверить, чтобы весь класс относился к тебе плохо.

– А вот и так, – сказала Арабелла, чуть не плача. – И Джулиан – хуже всех. Он зажимает нос, когда проходит мимо!

После этих слов послышалось несколько смешков. А Джулиан захохотал в полный голос. Арабелла покосилась на него.

Элизабет, сидя в президиуме вместе с остальными старостами, с удивлением наблюдала за происходящим. Она единственная не знала причину такого отношения к Арабелле и решила, что глупо жаловаться на обычные дразнилки. Элизабет не догадывалась о том, что за всем этим крылось, но теперь заподозрила неладное.

Арабелла продолжала:

– Или вот Дженни. Она постоянно передразнивает меня. Я тут новенькая. Это очень невежливо. Я ничего такого не сделала, чтобы они на меня так ополчились. Я напишу маме, я...

– Успокойся, – сказала Рита, заметив, что у Арабеллы вот-вот начнётся истерика. – Успокойся и сядь. Мы с этим разберёмся. Ты сможешь договорить позднее, если захочешь. Но сейчас подожди минуту. Ты говорила об этом своей старосте?

– Нет, – надувшись, ответила Арабелла. – Она меня тоже недолюбливает.

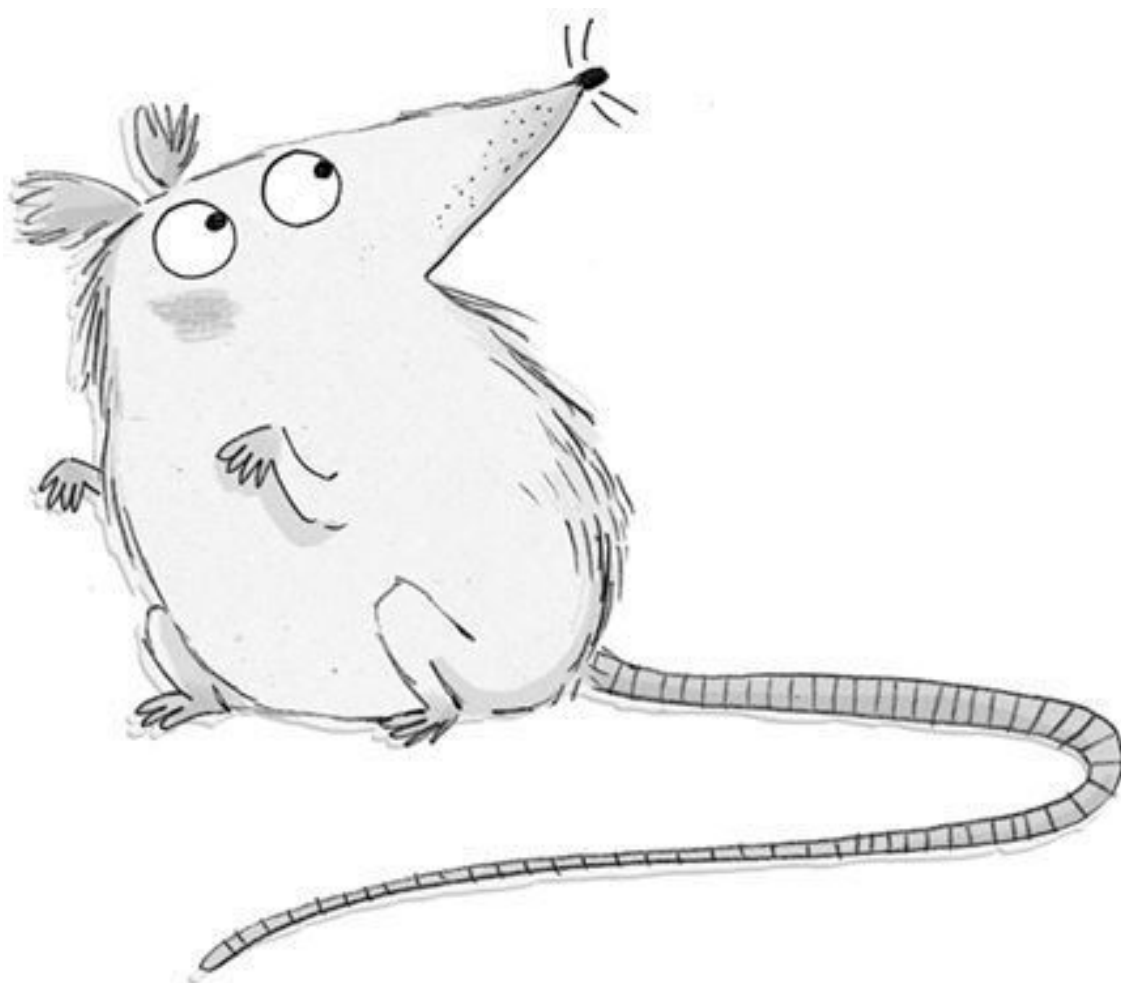
Элизабет покраснела. Это было правдой. Она не скрывала, что не любит Арабеллу, поэтому та и не обратилась к ней за помощью и советом, прежде чем выносить всё на собрание. Ох как жаль!

– Ясно, – заключила Рита и посмотрела на Элизабет. – Что ж, давайте разбираться. Для начала послушаем Дженни. Дженни, объясни, пожалуйста, почему ты так недоброжелательна. У тебя есть какая-то причина?

Дженни поднялась с места. Что ж, Арабелла сама виновата, пусть теперь пеняет на себя! И она рассказала то, что знала.

Глава 7

Всё тайное становится явным

– А что, собственно, рассказывать, – начала Дженни. – Арабелла сама во всём виновата. Мы знаем, что она не выполняет правила. Поэтому она нам и не нравится. И поэтому мы её дразнили. Вот и всё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.